

И. Л. Багратион-Мухранели

Московский городской психолого-педагогический университет

Кавказский подтекст диалога с вождем Мандельштама. Истоки концепта «кремлевский горец»

Рассматривается противостояние Мандельштама и Сталина. Следы разоблачения вождя прослеживаются в разных произведениях. В частности, доказываем, что формирование образного строя эпиграммы «Мы живем, под собою не чуя страны» связано с переводом с грузинского поэмы Важа Пшавела «Гоготур и Абшина» и петербургской повестью «Египетская марка», которые объединяет мотив разбоя, грабежа, маркирующие персонажа как лжегероя. Система ценностей Мандельштама близка эпосу Важа Пшавела, рассматривающего дихотомию героя подлинного и фальшивого.

Ключевые слова: Мандельштам, Сталин, Кавказ, перевод, эпиграмма, Важа Пшавела, «Египетская марка».

Для разоблачения самозванства большевиков (и лично товарища Сталина) Мандельштам использует в эпиграмме «Мы живем, под собою не чуя страны» точный оксюморон – «кремлевский горец».

Кремлевский горец – Сталин в эпиграмме изначально связан с мотивами неправедного царя, договора человека с дьяволом, бесовского шабаша. Но концепт «кремлевский горец», с нашей точки зрения, содержит еще некоторые подтексты, связанные с Грузией и поэзией Важа Пшавела.

Мотив фальши раскрывается уже в самом географическом соединении Кремля и гор. (В Кремле – «всего круглей земля»). Здесь «пространство, сжатое до точки». Следовательно, никаких гор там нет.)

Концепт этот, прежде чем обрести однозначность, прямолинейность и кажущуюся спонтанность лирического высказывания, вызревал, по крайней мере, десятилетие, просвечивая в других замыслах поэта. Он прочитывается, если обратиться к предшествующим произведениям Мандельштама – прозе («Египетская марка») и переводу поэмы Важа Пшавелы («Гоготур и Апшина»).

Такой подход оправдан не только в случае рассмотрения концепта «кремлевский горец». Сложность и своеобразие поэтики Мандельштама заключается, сре-

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета (ул. Сретенка, 29, Москва, 107045, Россия; mybagheera@mail.ru)

ди прочего, в том, что его поэзия существует как один великолепный текст. Автор верен себе, и «пучки смысла», которыми является поэтическое слово Мандельштама, постоянны в своей основе. Они не сводятся к одному какому-либо значению. Поэтому многие образы могут быть сколько-нибудь адекватно поняты и прочитаны только в случае привлечения всего корпуса текстов.

В «Египетской марке», которая была написана к 10-летию Октября и напечатана в журнале «Звезда» в мае 1928 г., Мандельштам выступает непосредственно против Сталина, но делает это не публицистически, как в эпиграмме, а зашифровано, метафорически. К перифрастическому языку автор обращается не из конспиралогических (по выражению Б. Успенского «криптолалических») [Успенский, 1996, с. 306] соображений, а следуя логике общего замысла произведения – создания петербургского мифа XX в., мифа революции.

«Египетская марка» – последняя петербургская повесть русской классической литературы. Она собрала многие мотивы литературы XIX столетия. Основа фабулы: ротмистр Кржижановский похищает визитку у маленького человека Парнока и затем переезжает из Петербурга в Москву весной 1917 г. Рассказ строится как серия лирических эпизодов на фоне исчезновения государства, разгула черни, хаоса и нестроения, гибели порядка и культуры, сумбура в жизни героя. Но Парнок не только наследник Акакия Акакиевича, он также и денди, и «лишний человек», и, в какой-то степени, alter ego автора. В «Египетской марке» авторские обращения к читателю во многом строятся как лирические отступления в «Евгении Онегине». О характере интертекста, возникающего в этой «прозе поэта», существует обширная литература [Ронен, 1983; Фейнберг-Самойлов, 1991; Багратион-Мухранели, 2001; Лекманов, 2012], где говорится и о водорастворимых марках, вынесенных в заглавие; и о родстве похищенной визитки с гоголевской шинелью; о схожести Ротмистра Кржижановского с Голядкиным-старшим; о реминисценциях из Толстого и Достоевского и многом другом.

Но Мандельштам писал не постмодернистский пастиш, а книгу, не менее современную и острую, чем эпиграмма на Сталина. С одной стороны, «Египетская марка» – это реквием по Петербургу Серебряного века, «египетская ладья мертвых», куда сложено все, что окружало при жизни и было дорого ушедшему. (Так Мандельштам характеризовал задачи стихотворения в статье «О природе слова».) С другой – вызов на дуэль того, кто является обидчиком, антагонистом, носителем новых порядков. Мы считаем, что Мандельштам наделяет ротмистра Кржижановского – лжегероя – чертами Сталина. Остановимся на этом подробнее.

С самого начала Мандельштам вводит мотив сомнения в подлинности колченогого ротмистра. «То не жандарм, а *настоящий* поручик. Тот господин и скрывался всего три дня, а потом солдаты сами выбрали его в полковой комитет и на руках теперь носят», – сообщает хозяйка прачешной (с. 475)¹. «То было страшное время: портные отбирали визитки, а прачки глумились над молодыми людьми, потерявшими записку» (с. 474). Девушки в прачешной «лживым, бессовестным хором» утверждают права ротмистра Кржижановского на владение чужим имуществом. Страна после революции характеризуется мотивом грабежа. Осуществление на практике лозунга революции «грабь награбленное» Мандельштам показывает в двух ситуациях. Ротмистр Кржижановский – новый хозяин положения, делает это цинично и безнаказанно. А безымянный вор за ничтожный проступок – украденные дешевые часы – получает высшую меру наказания, становясь жертвой самосуда толпы, которая топит его в Фонтанке. Парнок не может противостоять этому. Автор развивает сюжетную линию и продолжает развивать мотив фальшивости его антагониста Кржижановского. «Бочком, по тротуару, опе-

¹ Здесь и далее текст «Египетской марки» цит. по: [Мандельштам, 1993] с указанием страниц в круглых скобках.

режая солидную процессию самосуда, он забежал в одну из зеркальных лавок, которые, *как известно*, все сосредоточены на Гороховой. Зеркала перебрасывались отражениями домов, похожих на буфеты, замороженные кусочки улицы, кишевшие *тараканьей* толпой, казались в них еще страшней и мохнатей» (с. 477). Это авторское «как известно» направляет читательские ассоциации в определенную сторону. На Гороховой, в доме 2, как известно, располагалась сначала царская охранка, а затем после Октября – Чрезвычайная комиссия во главе с Дзержинским, возможно намек на связи Сталина с охранкой. В эпиграмме – не тараканья толпа, а ее предводитель, у которого

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Облик его возникает и в «Египетской марке»: «На углу Вознесенского мелькнул сам ротмистр Кржижановский с нафабранными усами. Он был в солдатской шинели, но при шашаке» (с. 477). Эта деталь – нафабранные – усы далеко не случайна. В авторском отступлении в главе пятой мотив усов разрабатывается специально, усиливая негативные коннотации в образе героя. «Больше всего у нас в доме боялись “сажи” – то есть копоти от керосиновых ламп. Крик “сажа, сажа” звучал как “пожар, горим” – вбегали в комнату, где расшалилась лампа. Всплескивая руками, останавливались, нюхали воздух, весь кишевший *усатыми*, живыми, порхающими чайнками» (с. 482). Заметим, что эпитет «усатый» – постоянное наименование Сталина. Рядом с этим фрагментом: «*Казнили* провинившуюся лампу приспускиванием фитиля...» (с. 482). Образ выстраивается из говорящих иносказаний.

Мандельштам соединяет понятия «пожар революции» – усатого революционера – с сажей и чайнками усов. Добавим к этому подозрение в связи с охранкой и притворстве. Визитка Парнока нужна ротмистру для того, чтоб выдавать себя за другого. Такое социальное лицедейство, вранье – один из главных мотивов в разоблачении Сталина в эпиграмме. Для этого Мандельштам использует на первый взгляд странное выражение: «и широкая грудь осетина». Осетин (а не грузин) в данном случае выступает не как биографическая национальная принадлежность, а как эпитет, опровергающий благородную природу настоящего горца, что восходит к переводу поэмы Важа Пшавела.

Но прежде чем перейти к переводу, объясняющему многое, отметим еще два момента в «Египетской марке», в которых Мандельштам пунктирно формирует линию будущего кремлевского горца. Спустя некоторое время автор позволяет себе два лирических отступления, не связанных с фабулой. В гл. V есть отдельные строфы-полупредложения, среди них, сразу за фрагментом об усатых чайнках, читаем: «Юдифь *Джорджоне* улизнула от евнухов Эритажа» (с. 482). В гл. VII, также в авторской речи: «Где-то на Подъяческой помещалась эта славная библиотека... Кому Бурже, кому – *Жорж Оне*, кому еще что-нибудь из библиотечного шурум-бурума» (с. 489).

Зная любовь Мандельштама к анаграммам и звукописи, можно считать это фонетическим дополнением к характеристике ротмистра Кржижановского: жоржъен – Georgian – грузин. Горец может быть следующим словом в этом ряду. Первое, что наталкивает на это, фонетическая близость родины Сталина ГОРи и ГОРца.

Помимо этого основания трудно назвать Сталина, родившегося в Гори, горцем. Город, хотя и окружен горами, находится на равнине при слиянии рек Большая Лиахва и Кура. Жителей Карталинии (точнее – Шида-Картли), где расположен город Гори, горцами не считают. Горцами в Грузии называют жителей высокогорных мест – Сванетии, Хевсуретии, Пшавии, Тушетии. Грузинские поэты-голубо-

роговцы Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, в течение года принимавшие Мандельштама и делавшие подстрочник поэмы, не могли этого не знать. Для Мандельштама, точного в слове и обладавшего особой зрительной памятью – памятью места, такое словоупотребление заставляет задуматься.

Впервые слово «горец» появляется у Мандельштама в переводе поэмы «Гоготур и Абшина» Важа Пшавела. Эпилог начинается словами: «Собрались в Хохмат люди горные».

Нам кажется неслучайным при рассмотрении формирования концепта «кремлевский горец» обращение к переводу поэмы Важа Пшавелы. Обращает внимание тематическое сходство мотивов перевода поэмы и повести. В «Египетской марке» один из главных мотивов произведения – мотив грабежа. В поэме Пшавела рисует двух горцев, Гоготура и Апшину, один из которых – Гоготур – подлинно эпический богатырь, осуждающий и презирующий грабеж, в отличие от его бахвала-соперника. Идея поединка, единоборства достойных соперников перейдет в «Египетскую марку» в виде темы рыцарского турнира. «Мальчиков снаряжали на улицу, как рыцарей на турнир... Он вертелся в тяжелых зимних доспехах как маленький глухой рыцарь, не слыша своего голоса» (с. 487).

Мотив рыцарского турнира появляется с первых страниц «Египетской марки»: «Простой мешок на примерке – не то рыцарские латы, не то сомнительную безрукавку – портной-художник исчертил пифагоровым мелком и вдохнул в нее жизнь и плавность». Произведению искусства (в том числе портновского) суждена богатая жизнь. «Иди красавица, и живи! Щеголяй в концертах, читай доклады, люби и ошибайся!» (с. 466).

Удивляет желание личного единоборства, бесстрашное намерение поэта попасть «к шестипалой неправде в избу», сделать личные выпады против Сталина. Но свое высшее назначение автор видит в том, чтобы все-таки сказать правду вопреки всему. В «Египетской марке» читаем: «Я спешу сказать настоящую правду. Я тороплюсь. Слово, как порошок аспирина, оставляет привкус меди во рту» (с. 489). Это уже слова автора, явление (во всех смыслах) авторитетной авторской речи.

Строки: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него» (с. 481) найдут продолжение в последующих стихах армянского цикла «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло... <...> Я бестолковую жизнь, как мулла свой Коран замусолил, Время свое заморозил и крови горячей не пролил» [Мандельштам, 1994, с. 37]. Лишенный возможности прямого высказывания о себе, Мандельштам говорит апофатически. Но за этим стоит позитивный смысл, который достаточно ясен. Тень Гумилева, пролившего кровь в борьбе с режимом, а не безобидный Парнок характеризуют время и поколение Мандельштама.

В «Египетской марке» Мандельштам открыто выступает против новой власти. Здесь, мы считаем, помимо подражания Пушкину в его диалоге с Николаем I, не в последнюю очередь могла сказаться и работа над поэмой Важа Пшавела. Мандельштам вызывает на дуэль лжегероя, как Гоготур – Апшину. И так же как образ Апшины у Важа Пшавела дан неоднозначно, а с сочувствием, с пониманием унижения и переживания несправедного разбойника, так Мандельштам в стихах тридцатых годов рисует образ Сталина далеко не плакатными красками.

Тема неправоты власти были продолжены Мандельштамом в стихах об Армении и в «Путешествии в Армению».

«Чудный» – эпитет Пушкина, по следам которого совершается через сто лет путешествие в Армению. Мандельштам, строивший свою биографию как осознанный художественный артефакт, находится в путешествии столько времени, сколько и Пушкин, с мая по октябрь, так же пишет о своем пребывании на Кавказе лирический цикл и новаторскую прозу, названную зрительно симметрично «Путешествию в Арзрум» – «Путешествие в Армению». Однако Мандельштам

избегает прямого подражания или стилизации. Он в своем времени и веке, даже когда мысленно сопровождает старшего поэта («И по-звериному воет людь»). В 1931–1933 гг. Мандельштам стал работать над прозой, которую он назвал «полуповестью». Кончается «Путешествие в Армению» своего рода «питьем Черномора». Мы читаем иносказательное описание взаимоотношений власти и героя. Это пересказ отрывка из хроники Фавстоса Бюзанда об армянском царе Аршаке (с. 345–367), оказавшемся в плену у персидского царя Шапуха (Шапур II) и получившего перед смертью «один добавочный день, полный слышанья, вкуса и обоняния». Для Мандельштама такой день, полный впечатлений и свободы, – вольная поездка к местам начала культуры, на Кавказ. Воспринимается он как очень прозрачная автобиографическая притча-пророчество.

Путешествие в Армению было для Мандельштама именно таким «добавочным днем», после чего его дуэль со Сталиным развивалась по нарастающей.

Звонок Сталина, писавшего в юности стихи, Пастернаку с повторяющимся вопросом, является ли Мандельштам мастером, возможно, свидетельствует о том, что вызов поэта в «Египетской марке» был замечен и вождю нужно было выяснить, читается ли кем-то еще обвинительная тайнопись Мандельштама.

Дональд Рейфилд справедливо отмечает влияние на стихи 1921–1923 гг. в основном грузинской фонетики, находит сходство с поэзией Нико Мицишвили и выделяет мотив совести, «пожалуй, единственное, что можно попробовать приписать влиянию Важа Пшавела» на Мандельштама [Рейфилд, 1995, с. 297].

Мы считаем, что есть еще один мотив, который перешел в творчество писателя в результате знакомства с грузинской поэзией: это тема разбоя и единоборства героев, которая имеет отношение не только к поэзии, но и к жизни Мандельштама.

Попробуем ответить на вопрос: почему Мандельштам обратился к ранней поэме Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», а не стал переводить, например, поэмы «Гость и хозяин» или же «Змеед», более зрелые, гуманистические и совершенные в поэтическом отношении?

Вероятно, если б Мандельштам обращался к поэзии Важа Пшавела до революции, он мог бы остановиться на поздних и более зрелых произведениях. Возможно, именно Октябрьская революция («грабь награбленное») неожиданно актуализировала новый смысл выбранной Мандельштамом поэмы. В «Гоготуре и Апшине» (1887) рассказывается о встрече в горах двух героев, их единоборстве и победе более нравственного, Гоготура, который идет против мнения жены и общины. С первых строк у Важа Пшавелы звучит мотив осуждения разбоя, сравнение лжегероя и героя подлинного:

Говорят, из Блоя Апшина,
Из семейства Минтотаури,
Без помехи крал, разбойничал
Под защитой брони кованой.
Он добром наполнил горницу,
Словно хан, казной-поборами.

Мандельштам усиливает осуждение разбоя. Он отказывается от указания Пшавелы (в подлиннике: «кстати, говорят, что с Гоготуром он силой не сравнится») и дает описание превосходства без каких бы то ни было оговорок:

Гоготут сильнее Апшины,
С ним и Апшина не справится, –
Он мизинцем сбросит Апшину
Через скалы островерхие.

Н. Заболоцкий это место переводит ближе к подлиннику, ослабляя, однако, энергию выразительности противопоставления героев: «Но нам известно и другое: / Сильней Апшины – Гоготур, / Чуть только двинет он рукою – / На землю падает хевсур» [Заболоцкий, 1984, с. 32].

Однако нас в данном случае интересует не столько вопрос адекватности перевода, сколько место перевода поэмы «Гоготур и Апшина» в творчестве Мандельштама.

То, что добыто *разбоями*,
Никогда не тешит досыта.

Мандельштам настойчиво повторяет слово «разбой» и производные от него в диалоге между Гоготуром и женой, после которого герой уходит из дому и встречает хевсура Апшину. Перевод «Гоготура и Апшины» рисует, как положено эпической поэме, единоборство героев. Апшина живет грабежом. Гоготур просит его пожалеть одинокого путника, встреченного в горах, но Апшина не внемлет просьбе, после чего происходит наказание Апшины.

В поэме разработка взаимоотношений персонажей сложнее фольклорного противопоставления плохого героя хорошему. После единоборства, в котором побеждает Гоготур, он прощает своего врага и велит тому признаться в своем поражении общине. Гоготур не отбирает у поверженного врага оружие и коня, но Апшина, глубоко переживая поражение, добровольно расстается с тем, чем не имеет права владеть: «Отдал лошадь, снял оружие, Божьим воином стал храбрый муж». И в эпилоге мы видим совсем другого человека, который, как бывший разбойник Влас² Некрасова, перерождается и постригается в монахи. В поэме есть некая тайна, подробные мотивировки опущены. В. Пшавела писал, что он не собирается более пространно объяснять эту старинную легенду, так как она касается лишь его одного.

Обращение к эпическому тексту, который Мандельштам переводит целиком, рассматривали А. Цыбулевский и Н. Абесадзе, но вопрос о связи его с дальнейшим творчеством поэта исследователями не ставился.

Мандельштам, близко познакомившись во время пребывания в Тифлисе с поэтами-голубороговцами, первый в русской литературе обращается к переводам Важа Пшавела, пронизательно называя его творчество «явлением современного грузинского искусства, представляющего европейскую ценность» [Мандельштам, 1993, с. 235]. «Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, стихийна» [Там же], – писал он. Не лежит на поверхности объяснение, чем был вызван выбор этой ранней поэмы, близкой к фольклору и весьма далекой по своей стилистике от лирики петербургского акмеиста. Мощный эпический размах отличает ее метафорическую природу. Здесь происходит соприкосновение поэта с эпосом. Старофранцузский эпос перекликается с «Гоготуром и Апшиной» Важа Пшавела.

Роланд храбр – Оливье мудр,
Одинаковой доблестью отличены оба.
<...>
Незадача вам, сир, товарищ-храбрец,
Не родился равный вам человек [Там же, с. 110–112].

² Есть запись Мандельштама от 2 мая 1931 г.: «Читал “Влас” и “Жил на свете рыцарь бедный”» [Мандельштам, 1993, с. 376].

Богатырское двойничество эпоса найдет отклик в словах Мандельштама «и меня только равный убьет» [Мандельштам, 1994, с. 47]. Хотя в переводе поэмы нет смерти ни одного из героев, в «Гоготуре и Апшине» есть нравственная смерть и торжество нравственности, она рисует, как положено эпической поэме, единоборство героев.

Чем именно привлекла поэма грузинского поэта Мандельштама сейчас сказать трудно. Может быть, мотивом грабежа и последующим воздаянием – наказанием обидчику? Осознанием тщеты материального мира? Четкой, этически полярной картиной мира, как это свойственно народному сознанию?

В творчестве Мандельштама, пожалуй единственного крупного русского поэта XX в., нет произведений большой формы – ни поэм, ни романов в стихах. Тем интереснее его обращение к эпосу Пшавелы с его мощным трагическим началом. Это обращение к далекому от акмеистических тем материалу помогло Мандельштаму найти новые выразительные средства, а впоследствии и новые темы. Взявшемуся за поэму Пшавелы ученику Гумилева в области перевода нужно было искать аналог в русской поэтической традиции.

Стоит вспомнить, что о смерти Гумилева Мандельштам узнал в Тифлисе от его одноклассника Бориса Лигра, в то время посла РСФСР в Грузии. Обращает внимание, насколько близки образы Мандельштама взглядам Гумилева. Основной образ грузинского искусства – кувшин с вином, врытый в землю, вызывает в памяти строчки Н. Гумилева из статьи 1913 г. о Т. Готье «Эмали и камеи»:

Но форма, я сказал, как праздник, пред глазами:
Фалернским ли вином налит или водой –
Не все ль равно! Кувшин пленяет красотой!
Исчезнет аромат, сосуд же вечно с нами (пер. Н. Гумилева).

Кроме того, стоит вспомнить, что к Гумилеву в 1910 г. обращался с предложением перевести поэму Важа Пшавела «Змеед» Григол Робакидзе, один из основателей литературного объединения «Голубые роги». Его статья «Грузинский символизм. Важа Пшавела» была напечатана в августе 1911 г. в журнале «Русская мысль», где редактором литературного отдела был В. Брюсов. Возможно, Мандельштам мог знать «кое-что о грузинском искусстве» через Н. Гумилева [Никольская, 1984, с. 97–99] еще до приезда в Тифлис.

Мандельштам следует теоретическим положениям Гумилева в области перевода. Он отказывается от гладкописи и легкости ради высокого косноязычия, затрудненности, которые сохраняют «исполнительский порыв» подлинника. Мандельштам выбирает нестрофический белый стих, восходящий к незавершенной «Сказке о медведихе» А. С. Пушкина («Как весенней теплою порою / Из-под утренней белой зорюшки / Что из лесу, из лесу дремучего / Выходила медведиха / Со милыми детушками медвежатами»). Характерно, что Н. Заболоцкий, переводивший эту поэму в 1950-х гг., прибегает к более традиционным способам – рифме, строфике (которой нет у Важа Пшавела), расхожим оборотам романтической поэзии, типа «с глубокой думой на челе», тогда как Мандельштам стремится к поискам передачи в русском варианте самобытного «эпического сказа» [Абесадзе, 1966, с. 343–348]. Вот как выглядит начало третьей части поэмы:

Важа Пшавела:

Весна была тогда.
Снова расцвели фиалки [устар. форма мн. числа].
Зеленой шубкой щеголяют
Склоны гор, покрытые лесом;
В ложбинах снег истаял,

Земля сделалась сочной,
До зеленых тянутся листьев
Быки и олени рогатые (подстрочный пер. наш. – И. Б.-М.).

О. Мандельштам:

О ту пору о весеннюю
Как фиалка заневестилась,
Как нагорьями зелеными
Гор окружность закурчавилась;
Снег в ложбинках стоял пятнами
И земля набухла влагою;
К зеленым прозрачным тянутся
Бычьи и олени головы:
Дуры-птицы свистом-щебетом
Гомонят сильнее прежнего:
Как Арагва черно-талая
Воет, роется и прядает,
И с ресниц дремоту стряхивают
Пробужденные окрестности:
Воду впитывают трещины,
Тает лед на горной скатерти,
Из-за церковки Копальской – вдруг
Человек, как глыба кряжистый.
Он ползет, как тяжкий оползень,
Лицо каменное, хмурое
[Мандельштам, 1993, с. 92].

Н. Заболоцкий:

Была весна. Цвели фиалки.
Надев весенний свой убор,
Цветами покрывались балки,
И зеленели склоны гор.
Последний стоял снег в лощинах.
Расселись птицы по кустам.
Самец-олень, рога раскинув,
К зеленым тянется листам.
Мир под весенним покрывалом
Глядит спросонок в глубь реки,
Где мчит Арагва вал за валом,
Ломая камни на куски.
Сочится влага вниз по скалам,
В верховьях тают ледники.
У камня древнего Копалы,
С глубокой думой на челе,
Пшав, наподобие обвала,
В своем качается седле
[Заболоцкий, 1984, с. 36].

Мандельштам передает интонацию и метафоричность Пшавелы. В дальнейшем в его собственных стихах найдет отражение фонетический строй грузинской поэзии, как это убедительно показал английский грузиновед Доналд Рейфилд: он «не походил на других русских грузинофилов – от Бальмонта до Заболоцкого: его интересовало не застолье, а общение с языком, его звучание и скрытые возможности» [Рейфилд, 1995, с. 289].

Но мы считаем, что Мандельштам ставил перед собой не только чисто стиховедческие задачи. След от общения с творчеством Важа Пшавелы оказался более глубоким. В статье «О природе слова» он писал: «Идеал совершенной мужественности подготовлен стилем и практическими требованиями нашей эпохи. Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен стать тверже, так как человек должен быть тверже всего на земле и относиться к ней, как алмаз к стеклу. Гиератический характер поэзии обусловлен тем, что человек тверже всего остального в мире» (с. 286). Героическое начало бытия Мандельштам развивает после отъезда из Грузии: в стихотворении «Умывался ночью на дворе» лирический герой взрослеет, обретает ответственность. В стихотворении происходит поворот к корням, к онтологическим понятиям бытия. Средневековая общинная мудрость горцев как бы становится фоном и к рассуждениям статьи «Пшеница человеческая», где поэт говорит о новой народности Европы. Знакомство с Грузией будет многократно находить отклик в его творчестве, как в образе пира жизни, так и в эпической незыблемости противостояния добра со злом («Кому зима – арак и пунш голубоглазый» (1922), «За гремучую доблесть грядущих веков» (1931)).

Вернемся к переводу Мандельштамом поэмы Важа Пшавела.

Отметим, что тема разбоя, грабежа до перевода «Гоготур и Апшины» у Мандельштама уже существовала и была связана с революцией (стихотворение «Кассандра», обращенное к Ахматовой).

В январе 1934 г. умирает Андрей Белый. Мандельштам пишет «Он дирижировал кавказскими горами». Это не только намек на очерки (дневник путешествия) А. Белого «Ветер с Кавказа» (1928). Главное – противопоставление поэта и тирана, подлинного и ложного хозяина Кавказа. Кавказ поэтический, Кавказ мифа аргонавтов, Грузия Руставели и, с другой стороны – Кавказ языческий, дьявольский, жестокий, «городов бородатых Востока».

Двойственность восприятия Кавказа как губительного места ярко выражена в стихотворении «Внутри горы бездействует кумир». Подробный анализ этого стихотворения, сделанный М. Мейлахом [1990, с. 416–427], И. Месс-Бейир [1999, с. 217–247], а также М. Л. Гаспаровым [1996], Д. И. Черашней [2004, с. 250–276] и В. В. Мусатовым [2001, с. 155–162] на фоне кавказской мифологии, в соответствии с указаниями Н. Я. Мандельштам (мотивы окостенения, бездействия, свойственные кумиру (идолу), оживающему для того, чтоб губить), несомненно, позволяет отнести его к сталинскому циклу. К этому хотелось бы добавить еще одну реалию. В десяти километрах от Гори находится пещерный город Уплисцихе, высеченный в вулканических скалах Квернаки, где до 326 г. (год принятия Грузией христианства) были культовые языческие храмы, совершались жертвоприношения и другие ритуалы. В XIX столетии комплекс находился в заброшенном состоянии, в XX в. начались раскопки и реставрация пещерного города. Сегодня он находится под охраной ЮНЕСКО. Проведя год в Тбилиси в обществе Паоло Яшвили и Тициана Табидзе, Мандельштам вполне мог знать о существовании этого города «внутри горы».

Древние Кавказские горы – символ горного в поэзии Мандельштама – стали местом обретения нового поэтического мастерства, «ворованного воздуха», местом знакомства с древними христианскими культурами Грузии, Армении, возможностью передышки, которая обогатила русскую поэзию новым кавказским мифом, в сердцевине которого Кавказ – место действия Библии и место казни, «родина щегла» и родина «кремлевского горца».

Список литературы

- Абесадзе Н. «Гоготур и Апшина» в переводе О. Мандельштама // Сборник, посвященный памяти Важа Пшавела. Тбилиси, 1966. С. 343–348 (на груз. яз.).
- Багратион-Мухранели И. Л. Кинематографическая стилистика «Египетской марки» О. Мандельштама // Искусство кино. 1991. № 12. С. 150–162.
- Багратион-Мухранели И. Л. О словнике «Египетской марки» // Смерть и бессмертие поэта. М.: РГГУ, 2001. С. 24–37.
- Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.
- Заболоцкий Н. Переводы. Из грузинской классической поэзии. Важа Пшавела. Гоготур и Абшина // Заболоцкий Н. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 3. С. 32–43.
- Лахути Д. Г. Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама: попытка внимательного чтения (с картинками). М.: РГГУ, 2009.
- Лекманов О., Котова М., Репина О., Сергеева-Клятис А., Синельников С. Пояснение для читателя // Мандельштам О. Египетская марка. М.: ОГИ, 2012. С. 37–459.
- Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2: Стихи и проза 1921–1929.
- Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3: Стихи и проза 1930–1937.

Мейлах М. Б. «Внутри горы бездействует кумир...» (К сталинской теме в поэзии Мандельштама) // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. Новые стихи. Комментарии. Исследования: Сб. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 416–427.

Месс-Бейер И. Кумир Мандельштама и европейская традиция восточного индустриального сказания // *Osip Mandel'stam und Europa*. Heidelberg, 1999. P. 217–247.

Мусатов В. В. О фольклорном подтексте сталинской темы в воронежских стихах Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М.: РГГУ, 2001. С. 155–162.

Никольская Т. Гумилев и грузинские символисты // *Wieder slavistischer Almanach*. Wien, 1984. Bd. 15. S. 97–99.

Рейфилд Д. «Полный брожения и аромата сосуд»: Грузинская поэзия в переводах Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи Междунар. Мандельштамовские чтения: Сб. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С. 287–298.

Успенский Б. Анатомия метафоры у Мандельштама // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 2: Язык и культура. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. С. 306–343.

Фейнберг-Самойлов А. Каменноостровский миф // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 41–46.

Черашняя Д. И. Невскрытая тема творчества Осипа Мандельштама: модификация субъектно-объектных отношений // Черашняя Д. И. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 250–276.

Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

I. L. Bagration-Mukhraneli

The Caucasian subtext of the dialogue of Mandel'shtam with the leader. The origins of the concept «The Kremlin mountindweller»

The paper considers the opposition between Mandel'shtam and Stalin. The traces of the exposure of the leader are found in different works by of Mandel'shtam. In particular, the paper author believes that the formation of the graphic structure of the epigram «We live without feeling the country under us» («Мы живем под собою не чуя страны») is connected with the translations from Georgian of the poem «Gogotur and Apshina» by Vaja Pshavela and St. Petersburg short novel «Egyptian mark». They are all united by the motive of robbery and banditry (stealing a morning coat) labeling the personage (Rotmistr Kijjanovsky) as a pseudo-hero. Mandel'shtam's system of values is close to the epos of Vaja Pshavela considering the dichotomy of a genuine hero and a false one.

Keywords: Mandel'shtam, Stalin, Caucasus, translation, epigram, Vaja Pshavela, «Egyptian mark».